

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Честа С.О. Мотив «подражания предкам» в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика как средство реконструкции авторского замысла // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.5.70311 EDN: IJSUKW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70311

Мотив «подражания предкам» в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика как средство реконструкции авторского замысла

Честа Сергей Олегович

аспирант, кафедра истории средних веков и раннего нового времени, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, д. 27, корп. 4

✉ sochesta@yandex.ru

[Статья из рубрики "Интеллектуальная история"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.5.70311

EDN:

IJSUKW

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2024

Аннотация: Данная статья призвана внести вклад в определение политической прагматики сочинения датского средневекового историка Саксона Грамматика «Деяния датчан» (ок. 1208/1216). В современной историографии укрепилось мнение, что «Деяния датчан» выражали интересы заказчика исторического труда – архиепископа Лундского Абсалона (1177–1201), а также аристократического рода Виде, к которому принадлежал прелат. Согласно этой точке зрения, главной целью сочинения являлось сохранение влияния рода Виде при дворе, которое должно было достигаться демонстрацией зависимости королевской власти от архиепископа и его родичей. Поэтому сочинение Саксона Грамматика содержит многочисленные примеры критики правителей из династии Вальдемаров (1157–1241), Вальдемара I (1157–1182) и его сына, Кнута VI (1182–1202), приводимые, чтобы подвигнуть государей прислушиваться к советам магнатов. В статье представлены аргументы в пользу противоположной трактовки текста «Деяний датчан»: исторический труд использовался для легитимации королевской власти. Текстологический анализ и исследование мотива «подражания предкам» – приема

репрезентации власти в нарративе, основанного на традиции имянаречения, – показали, что современник Саксона, датский король Кнут VI, соотносится в сочинении со своими предками-соименниками. Эти сопоставления служат прославлению правителя и находят соответствие в официальной привилегии Лундскому кафедральному собору (1186), являясь, таким образом, элементами «придворной идеологии». Изучение сопоставлений правителей-соименников, нарративных приемов, на которые ранее исследователи «Деяний датчан» не обращали внимания, оказывается продуктивным средством для выявления первоначального замысла Саксона Грамматика. В рассказе о легендарном короле, первом обладателе имени Кнут, и его воспитателе обнаруживаются реминисценции на отношения между Кнутом VI и Абсаломом. Судя по всему, король и архиепископ мыслились Саксоном как равноправные фигуры. Тот факт, что «Деяния датчан» содержат критику Кнута VI, объясняется позднейшим авторедактированием текста. Гипотетически переработка текста могла быть вызвана изменением политической конъюнктуры, а именно смертью Абсалона и Кнута VI, которым и должно было предназначаться сочинение.

Ключевые слова:

Деяния датчан, Саксон Грамматик, историописание, имянаречение, средневековая Дания, легитимация власти, королевская власть, Кнут VI, Кнут IV Святой, образ правителя

Введение

«Деяния датчан» Саксона Грамматика – важнейший памятник средневекового датского историописания, составленный около 1208 или 1216 г. Шестнадцать книг произведения, выполненного в жанре *origo gentis* (Прим.: О принадлежности «Деяний датчан» к жанру *origo gentis*, представителями которого являются сочинения Евсевия Кесарийского, Павла Дьякона и Гальфрида Монмутского, свидетельствуют общие для всех этих произведений основные характеристики. К ним относятся применение типологического метода, подразумевающего соотнесение между собой исторических персонажей или событий для раскрытия тайного смысла произошедшего (например, Евсевий Кесарийский уподобляет Константина Великого Моисею, сопоставляя битву у Мульвийского моста с переходом через Красное Море); восприятие народа как общности, направляемой к спасению божественным проведением.) [\[1, p. 58-71\]](#), охватывают период от правления легендарного родоначальника датчан Дана до первых лет самостоятельного правления короля Дании Кнута VI (1182–1202). Значимую роль в сочинении играет пропаганда идей патрона Саксона, епископа Роскильского (1158–1191) и архиепископа Лундского Абсалона (1177–1201), непосредственного заказчика «Деяний датчан». Вопросы композиции текста и политическая программа автора остаются предметом острых дискуссий.

Несмотря на близость Саксона Грамматика к правящим кругам и личную дружбу заказчика исторического труда с королем Вальдемаром I (1157–1182), подразумевавшую включение в сочинение неких важных для короля установок, вклад «Деяний датчан» в легитимацию правившей в то время династии Вальдемаров (1157–1241) не столь очевиден. Саксон выводит на первый план исторического повествования своего покровителя. Именно Абсалон, являясь главным действующим лицом самой протяженной четырнадцатой книги, признается Саксоном творцом дипломатических и военных побед

Датского королевства [\[2, p. 685-705\]](#).

В «Деяниях датчан» практически невозможно обнаружить те идеи, которые обычно ассоциируют с королевской идеологией. Речь идет о правлении короля «милостью Божией» («*Dei gratia*»), о репрезентации правителя в качестве земного «образа Бога» («*imago Dei*») и других концептах и комплексах идей, превращающих божество в непосредственный источник легитимности правителя. Такая картина, исключая прочие способы легитимации власти (апелляция к происхождению из королевского рода; выбор короля на тинге) и предполагающая жесткое иерархическое подчинение элиты королю, предстает перед исследователем, изучающим королевские дипломы [\[3, p. 79-101\]](#). В противовес этому видению отношений между королем и элитой Саксон Грамматик делает акцент на зависимости Вальдемара I и его наследника, Кнута VI, действия которых подчас резко критикуются, от Абсалона и рода Виде, группы магнатов, к которой принадлежал архиепископ. На протяжении всего сочинения датские короли вынуждены прибегать к помощи мудрых советников, прототипами которых служат архиепископ Абсалон и его родственники. Введенный Саксоном Грамматиком мотив наставления королей мудрыми советниками отражает шаткость позиций рода Виде при дворе, его стремление защитить свое доминирующее положение и выработать консенсус с королевской властью [\[4, s. 187-207\]](#).

Несмотря на продуктивность представленной выше интерпретации, она имеет свои уязвимые места. Прежде всего, она не учитывает смену политической конъюнктуры, а именно кончину Абсалона и Кнута VI, при жизни которых Саксон начал работу над своим произведением. Эти смерти, как мы полагаем, могли заставить автора «Деяний датчан» существенно переработать текст, изменить его тенденции. Саксон посвятил свой труд родичу и преемнику Абсалона на архиепископской кафедре, Андерсу Сунесену (1201–1223), и королю Вальдемару II (1202–1241), брату бездетного Кнута VI. Нужно полагать, что первоначально сочинение предназначалось именно Абсалону и Кнуту VI. На это указывает как свидетельство, датирующее начало работы над «Деяниями датчан» 1188 г. [\[5, p. 26\]](#), так и композиционная особенность текста – акцент на «симфонии» светской и церковной властей, проявляющийся в различных реминисценциях на союз Вальдемара I и Абсалона, а также в посвящении произведения королю и архиепископу [\[4, s. 197-204\]](#). Тем не менее, в шестнадцатой книге, где речь идет о правлении Кнута VI, он представлен слабым правителем, в то время как Абсалон предстает перед читателем выдающимся государственным деятелем, предводителем датского войска в победоносных походах против славян (эти походы, впрочем, описаны только Саксоном) [\[6, s. 35-70\]](#), а также мудрым советником [\[2, p. 693\]](#).

Отражает ли такое видение волю самого прелата? Во всяком случае, если Абсалон планировал преподнести королю исторический труд, выставляющий монарха в неприглядном свете, можно полагать, что подобного рода дар сказался бы на судьбе архиепископа самым плачевным образом. Обращаясь в прологе к преемнику и родичу Абсалона, Андерсу Сунесену, Саксон подчеркивал достижения нового архиепископа: его избрание с радостью поддержали жители Сконе, хотя сам Андерс происходил из Зеландии. Кроме того, прелат, наконец, сумел ввести десятину [\[7, s. 2-4\]](#).

По всей видимости, автор «Деяний датчан» намекал, что новому архиепископу удалось превзойти в этом деле своего предшественника и избежать его ошибок, то есть подобно Абсалону не вызвать возмущения сконцев, почти переросшее в 1180–1182 гг. в крестьянскую войну. Именно поэтому Абсалон был вынужден отказаться от взимания

десятины [\[7, s. 1454-1476\]](#).

Гипотетически аллюзия на восстания, помещенная в прологе спустя много лет после самих событий, может означать, что напряженные отношения со сконскими бондами оставались для Абсалона потенциальной угрозой на протяжении всего его понтификата. Тогда Абсалон должен был скорее искать поддержки короля, а не проверять на прочность терпение правителя, предлагая ему версию истории, сомнительную с точки зрения лояльности [\[2, p. 704\]](#). Кроме того, мотив подчинения правителей наставникам, мотив с которым образ Абсалона находится в полном согласии, выражен в различных книгах неодинаково. В большей степени он развит в первой, «мифологической», части «Деяний датчан», которая была написана, вероятно, уже после смерти заказчика работы (Прим.: Первые восемь книг, занимающие порядка сорока пяти процентов всего текста, – «мифологические», отведены легендарной истории датских государей, вторые восемь – «исторические», посвящены тому периоду датской истории, относительно которого Саксон располагал надежными письменными источниками.) [\[8, p. 105-175\]](#). Это говорит о том, что Саксон не сразу пришел к решению включить данный мотив в свое повествование [\[8, p. 50\]](#). Следует также отметить, что важнейшие нарративные источники, затрагивающие тему внешней политики Датского королевства в конце XII – начале XIII вв., «Сага о Кнютлингах» (XIII в.) и «Славянская хроника» Арнольда Любекского (начало XIII в.), ничего не знают об особом влиянии Лундского архиепископа на Кнута VI, рассматривая деятельность этого короля как полностью самостоятельную [\[7, s. 1494-1495, n. 1\]](#).

Сказанное выше, на наш взгляд, свидетельствует в пользу наличия в тексте «Деяний датчан» явных противоречий, ставящих перед исследователем следующие вопросы:

- 1). В какой степени произведение Саксона Грамматика в том виде, в котором оно нам известно, является результатом прямого влияния Абсалона и отражает интересы архиепископа Лундского?
- 2). Насколько «Деяния датчан» могут рассматриваться в качестве источника, отражающего королевскую идеологию? Или, иначе говоря, в какой степени труд Саксона Грамматика использовался правящей династией для легитимации власти?

Наметить решение этих вопросов можно, прибегнув к методу типологических параллелей, то есть к поиску в массиве текста ряда образов, напоминающих друг друга персонажей, раскрывающих заложенную автором мысль в череде повторяющихся примеров [\[9, p. 74-75\]](#); [\[10, s. 289-318\]](#). Поскольку одна из организующих структур нарратива – последовательное правление принадлежащих к одному роду датских королей, этот метод видится перспективным для поиска связей между образом Кнута VI и образами его предков, упомянутых в «Деяниях датчан». Раскрытие таких связей позволило бы проникнуть в политическую прагматику текста. Однако для сопоставления между собой образов датских правителей, представленных в «Деяниях датчан», необходим четкий критерий. Мы полагаем, что в качестве такового нужно рассматривать одноименность правителей.

Мотив «подражания предкам» в «Деяниях датчан»

В десятой книге «Деяний датчан» помещен рассказ о Кнуте Могучем (1015 – 1035), короле, в начале XI в. объединившем под своей властью Англию, Данию и Норвегию. В видении Саксона Кнут – идеальный правитель, воин, законодатель и покровитель

церкви. Завоевание наиболее слабых королевств Склавии и Сембии, единственное которое Саксон особенно выделяет [\[7, s. 728-730\]](#), знаменует будущий политический успех и характеризует Кнута как предназначенного к правлению короля, который в силах возратить датчанам утраченное господство над Англией и Норвегией. Данные Саксоном описания карательных экспедиций против Италии [\[7, s. 748\]](#) и Нормандии [\[7, s. 768-772\]](#), предпринятых ради защиты интересов родственников Кнута, позволяют понять, что историк желает представить датскую державу в качестве могущественного государства в ряду других европейских стран. Сохранение памяти о военных подвигах короля автор «Деяний датчан» связывает с активностью Кнута Могучего как ктитора, покровителя клириков и монахов [\[7, s. 772\]](#). А представление его в ипостаси «короля-законодателя» призвано показать идеализированные отношения короля и иерархически организованной дружины, отраженные в уставе, который Кнут выработал для своих вассалов [\[11, s. 131-132\]](#).

Тем не менее, в рассказе Саксона Грамматика о Кнute Могучем не нашлось места для пространного повествования об установлении датского господства над странами и народами. Вместо этого автор «Деяний датчан» сосредотачивает свои усилия на изображении разворачивающегося в исторических декорациях морального противоборства между властителем и его оппонентами, норвежским королем Олавом Святым (ум. 1030) и ярлом Ульвом (ум. ок. 1026), отцом датского короля Свена Эстридсена (1047 – 1076), получившего власть после пресечения линии Кнута. Победу над этими противниками Кнуту Могучему приносят унаследованные от предков личные качества [\[11, s. 212-215\]](#): доблесть (virtus) [\[7, s. 740-743\]](#), отвага (fortitudo), благочестие (sanctitas), усердие (industria) [\[7, s. 770-772\]](#).

Этот набор ценностей восходит к античным представлениям о добродетелях правителя. Саксон Грамматик вводит в качестве одного из основных композиционных приемов организацию нарратива и, следовательно, конструирование образов датских королей в соответствии со схемой «кардинальных добродетелей» [\[12, p. 95-104\]](#), заимствованных средневековой христианской теологией у античности, что не может удивить исследователя, поскольку автор «Деяний датчан» вообще опирается на повествовательные модели, почерпнутые у античных авторов, в особенности у Валерия Максима, Курция Руфа и Юстина [\[13, p. xl-xlvi.\]](#).

Однако хотелось бы особенно подчеркнуть, что эти добродетели, и в целом, личные качества, в пространстве нарратива наследуются правителями от своих предков, зачастую обладающих теми же именами. Фрагменты «Деяний датчан», в которых обнаруживается данный прием, который мы называем мотивом «подражания предкам», свидетельствуют о преломлении и сложном взаимодействии христианских и дохристианских традиций. Такие эпизоды отражают сплетение ориентации автора на античные повествовательные практики, характерного для средневекового историописания типологического параллелизма и языческих представлений о «повторении» существенных качеств предка в потомке с тем же именем, изначально связанных с верой в переселение душ [\[14, s. 199-222\]](#); [\[15, c. 26-33\]](#). Эти представления и в христианскую эпоху использовались скандинавскими королевскими династиями как средство легитимации власти посредством актуализации родового наследия [\[16\]](#). Обращаясь к мотиву «подражания предкам», Саксон Грамматик показывает, что принадлежность к королевскому роду, подчеркнутая династическим именем, определяет поведение и политическую судьбу правителя.

Так, образ Кнута Могучего оказывается важен для рассказа автора «Деяний датчан» о другом знаменитом датском короле, Кнута IV Святом (1080 – 1086). Именно сходство Кнута Святого со своим предком, проявляющееся в обладании одним и тем же именем, а также в необычайной воинственности двух этих королей позволяет «младшему» правителю прийти к власти. В повествовании Саксона Кнут Могучий выступает для своего потомка эталонным государем, достойным подражания: «[Кнут Святой] укреплял [свое] юное тело, постоянно участвуя в войнах и стойко выдерживая непрерывные сражения; **его военная слава стала настолько известна, что он казался воскресшей душой и судьбой Великого Кнута, обладая в то же время общим [с ним] именем; так, никто не сомневался, что он получит власть над королевством отца по наследству**» («Quin etiam iuvenile corpus continuo usu ad bella impigre conficienda armaque viriliter sustinenda firmabat, famaue eius bellica in tantum claritatis excessit, ut **redivum magni Kanutis spiritum fortunamque simul cum nominis videretur communione sortitus, a deo ut nullus eum paterni regni successione potiturum ambigeret**».) [7, s. 818] (Прим.: Здесь и далее перевод наш – С. Ч.).

«Повторение» личных качеств предка в потомке-соименнике встречается в сочинении Саксона Грамматика не единожды. В шестой книге «Деяний датчан» мифический король Фродо наследует вместе с именем деда и его счастье (*felicitas*), чем обуславливается всеобщая любовь к нему подданных [17, с. 237-238]. Правомерно задаться вопросом, какую функцию данный мотив выполняет в сочинении Саксона Грамматика, какие формы он принимает, имеет ли какое-то политическое наполнение.

Сравнение Кнута VI с Кнутом IV Святым в «Деяниях датчан»

Ассоциирование современного Саксону государя с предком-соименником прослеживается в сообщении датского историка о неудачном походе Абсалона и Кнута VI против славян. Последний тогда еще не правил единолично – руководство военной экспедицией было поручено ему отцом, королем Вальдемаром I. Согласно автору «Деяний датчан», помимо архиепископа, делившего функции верховного предводителя с наследником престола (...*filio pontificique contradita belli summa*...), в походе участвовали и другие представители клана Виде, а именно – старший брат Абсалона Эсберн, а также их кузен, Суно. Столкнувшись в ходе подготовки военной акции с мятежом, вызванным длительным простоем флота и нехваткой припасов, эти «патриции» (*patres*), как их именует Саксон, советовали королю распустить войско, мотивируя свое решение следующим образом: «...если [народ] при возвращении прежде срока по собственной воле предпочтет власти вождя мятеж, может произойти то, что, как говорят, случилось со святым Кнутом, взыскавшим с родины наказание за роспуск флота». Дальнейшее пояснение больше походит на угрозу: «поэтому, если болезнь унесет его отца, уже сейчас охваченного лихорадкой, Кнут может лишиться королевства» («... *quae si in praeripiendo reditu propriae voluntatis motum ducis arbitrio praetulisset, evenire posse, quod divo Kanuto solutae classis poenas a patria exigenti contigisse prodatur; quam rem Kanuto, si patrem eius iam febri implicatum praesens morbus absumeret, regni successionem adimere posse*».) [7, s. 1488]. Последовав совету магнатов, Кнут отменяет поход и вместе с Абсалоном, Эсберном и Суно возвращается к отцу [7, s. 1488].

Очевидно, что в этом фрагменте имеется пример соотнесения двух одноименных королей, предка и потомка, сближенных перекликающимися фактами их биографий (Прим.: Обстоятельства гибели Кнута Святого разнятся от источника к источнику. Саксон передает рассказ об этих событиях следующим образом. Собранное для нападения на Англию войско распадается из-за происков знати. Тогда Кнут решает воспользоваться

ситуацией и в качестве наказания установить в Дании десятину. Однако, народ дает согласие только на единовременный налог. Сборщики подати чрезмерно угнетают народ, что приводит к восстанию, в ходе которого Кнут IV принимает мученическую кончину.) [18, p. 107-112], [7, s. 846-862]. В этом смысле данный пример сопоставим со сходным приемом Саксона, когда своими победами Кнут Святой «воспроизводит» подвиги Кнута Могучего, а также с обнаруженным нами ранее неявным сравнением Кнута VI с Кнутом Могучим в сообщениях об итальянском и нормандском походах последнего [19, с. 30-47]. Вместе с тем, данный фрагмент, где звучит мотив «подражания предкам», отличается от всех прочих подобных мест в тексте по целому ряду параметров.

Во-первых, в качестве предка, с которым производится сравнение, здесь выступает не Кнут Могучий. Во-вторых, от читателя не может скрываться тот факт, что задача соотнесения соименников в данном случае совершенно противоположна – судьба предка рассматривается не в качестве модели для подражания, а как предостережение. В-третьих, в пространстве нарратива королей сопоставляют старшие представители рода Виде. Создается впечатление, что «патриции» ведут беседу с Кнутом наедине, поэтому сопоставление носит подчеркнуто неформальный характер и имеет иронический подтекст. В-четвертых, соотнесение с Кнутом Святым в данном контексте и роспуск флота одинаково унизительны для Кнута VI. Сравнение со святым, которое в иных условиях можно было бы счесть лестным, здесь предвещает смерть и бросает тень на фигуру предка, упрекая святого в недалёковидности. В свою очередь, отказ от подражания Кнута Святому сохраняет наследнику престола жизнь, но показывает его собственное бессилие. Этот пример будто бы перечеркивает сходство Кнута Могучего с Кнутом VI и прославление последнего, обусловленное таким сходством [19, с. 30-47].

Помимо рассказа о Кнута Святом рассматриваемый отрывок отсылает к еще одному параллельному месту из предшествующего повествования «Деяний датчан», недалеко отстоящему в тексте от рассмотренного примера сопоставления королей. Завершая описание первого восстания против Вальдемара I, которое произошло в Сконе (1180) [7, s. 1454-1476], Саксон сообщает, что восставшие после нанесенного им поражения сложили оружие, согласившись на все условия короля и архиепископа, за исключением введения десятины. Убеждая Абсалона отказаться от ее сбора, Вальдемар I намекнул, что, если архиепископ продолжит упорствовать, то его может постигнуть участь Кнута Святого, который прежде чем стать мучеником также пытался ввести десятину: «Ничто так не заботило короля как побудить Абсалона к отказу от [десятины], всячески взывая к [его] осторожности, **чтобы не случилось с ним того, что прежде произошло с Кнутом Оденским, стремившимся распространить право десятины**» («Nihil magis regi quam ad earum remissionem Absalonem adducere curatum est, summopere cavendum dicenti, **ne sibi forte, quod olim Kanuto Othoniensi decimarum iura propagare nitenti acciderat, eveniret**») [7, s. 1476]. По совету короля Абсалон (хоть и неохотно) согласился отложить сбор нового для сконцев налога на неопределенный срок, восстание прекратилось [7, s. 1476].

Связь приведенных фрагментов пятнадцатой книги «Деяний датчан» очевидна. В обоих случаях сравнение с Кнутом Святым употреблено в частной беседе, включает иронию и оскорбление адресата. Абсалон вынужден пойти навстречу требованию восставших под давлением короля. Перед лицом вспыхнувшего в войске мятежа Кнута VI приходится действовать в том же духе, но уже по указанию самого архиепископа и его родичей. Возникает ощущение, что слова Вальдемара I, призванные подчинить прелата королевской воле, в будущем оборачиваются против короля. Сравнение Кнута VI с

Кнудом Святым демонстрирует зависимость династии от поддержки клана Виде, поскольку дает понять, что порой власть короля оказывается иллюзорной. В таких обстоятельствах, чтобы удержать бразды правления, государю следует прислушаться к советам своих ближайших доверенных лиц. Послание, заложенное в сопоставлении Кнута VI с Кнудом Святым, выглядит убедительным еще и потому, что оно с большим основанием имеет право на жизнь. Хотя вариант Вальдемара I возник не на пустом месте (бабка Абсалона по материнской линии приходилась Кнуту Святому дочерью) [7, s. 858], он не учитывал разноименность архиепископа и святого короля. Саксон же показывает, что Виде соотносили королей в первую очередь по именам (в тексте имена святого короля и наследника престола соседствуют в пределах строки и представлены одной падежной формой).

Если оценивать оба приведенных сравнения в модусе рассказа Саксона о Кнуде Святом [7, s. 840-862], придется констатировать, что советы Вальдемара и представителей рода Виде в равной степени противоречат той модели, которую автор «Деяний датчан» применяет для построения образа святого короля. Когда по наущению мятежной знати народ самовольно покидает войско, Кнут IV накладывает на провинившихся суровое наказание (они должны выбрать между крупным единовременным штрафом и введением десятины) и порицает заговорщиков: «Виновные в небывалом отпадении предпочли леность отваге и жадой праздности обрушили великолепнейшее предприятие» («Inusitatae defectionis auctores hebetudinem audaciae **praetulisse**, aviditate otii speciosissimae rei negotium subruisse».) [7, s. 848]. Эти слова могут быть с полным основанием отнесены как к Вальдемару, так и к архиепископу с его родичами. Притом совет магнатов выглядит несколько удивительным на фоне многочисленных упоминаний доблести Абсалона (указания на инертность Вальдемара, напротив, многочисленны) [2, p. 691-693]. Вместе с тем, нельзя сказать, что предостережение, сделанное Вальдемаром I, лишено смысла. Учитывая разразившееся позднее второе восстание в Сконе (1182), нанесшее благосостоянию Абсалона и его родственников значительный ущерб, замечание короля приобретает пророческий тон. Кроме того, Саксон использует реплику Вальдемара, чтобы продемонстрировать умеренность Абсалона, согласившегося отсрочить сбор налога: «Такое **умеренное обещание** Абсалона стало лекарством от ярости» (Tam **modesta** Absalonis **promissio** consternationi remedio fuit) [7, s. 1476].

В другом месте Саксон отмечает умеренность Кнута VI: король отказался от намерения казнить восставших, по совету Абсалона ограничившись присуждением им штрафа: «Также сначала незащищенную провинцию [Сконе] Фроста [король] предал разорению и пожару и опустошил бы, если заступничеством Абсалона по отношению к [провинции Фроста] не удерживалось бы рвение руководящего [разорением провинции короля Кнута VI]. При посредничестве [Абсалона] было исполнено, чтобы от тех, кто провинился перед королем [участием] в восстании Харальда, требовались бы в качестве наказания лишь деньги. О **безмерная кротость** тех, чьим благодеянием **людям, очевидно виновным в величайшем злодеянии**, было позволено выкупить вину незначительной податью. Этим примером прочие, воодушевленные надеждой на прощение, [благодаря] снисходительнейшей заботе Абсалона изведали **равную [ей] мягкость короля**. Превосходный образчик **умеренности духа дал Кнут**, когда от **мщения, которого заслуживало всеобщее преступление**, отказался, цenia дружбу единственного друга» («Ac primum eius provinciam Frostam rapinae et incendio opportunam exhibuit vastassetque, ni Absalonis erga illam studium gerentis interventu prohiberetur. Quo mediante effectum est, ut ab iis, qui regem Haraldica factione deliquerant, aera tantum poenae nomine exigenterentur. O **immensam clementiam**, cuius beneficio **hominibus**

evidenter noxiis maximi facinoris culpam parvulo censu redimere licuit! Quo exemplo ceteri ad spem veniae erecti, mitissima Absalonis opera **parem regis mansuetudinem experti sunt**. Egregium tunc **Kanutus moderati animi** specimen dedit, cum **ultionem, quam universorum crimen meruit**, unius amici precibus donavit») [7, s. 1502]. Можно предполагать, что пример умеренности Кнута VI в некотором роде снова уподобляет этого правителя Кнуту Святому. Как и его предок король сталкивается с политической оппозицией, которая группируется вокруг альтернативного кандидата на престол (враждебная Кнуту Святому партия, судя по всему, поддерживала его брата, Олава Голода (1186 – 1195) [20, с. 57, прим. 6]; противником Кнута VI в Сконе выступил некий Харальд, за которым Саксон признает королевское происхождение) [7, s. 1496], взимает с мятежников денежный штраф вместо положенного по закону наказания смертью. Схожесть отдельных моментов биографии еще сильнее высвечивает различие жизненных путей правителей: в отличие от предка Кнут VI, проявив умеренность, замирил восстание, остался жив и продолжил править. На этот раз сравнение (если оно действительно подразумевалось автором) лишено всякого оттенка уничижения по отношению к Кнуту VI. Саксон будто вновь запускает механизм прославления государя – здравствующий правитель превосходит Кнута IV кротостью, а потому удерживает власть. Отсюда становится возможным трактовать совершенно явное сравнение Кнута VI и святого короля Дании таким образом, что, унаследовав престол, потомок превзошел предка.

Оказавшись в сходных условиях, архиепископ и король проявляют одну и ту же добродетель. Сначала Абсалону приходится уступить просьбе Вальдемара, хотя сбор десятины признается Саксоном абсолютно справедливым и правомерным. Затем уже архиепископ воздействует на Кнута VI с тем, чтобы король пощадил бунтовщиков, несмотря на то что автор «Деяний датчан» считает казнь вполне заслуженным наказанием. Притом в последнем случае особенно оговаривается, что Абсалон и Кнут VI равны в их милостивом отношении к восставшим. «Симметричность» приводимых в сообщениях Саксона ситуаций вместе с последовательным сравнением короля и архиепископа с Кнутом Святым указывает на соотнесенность Абсалона и Кнута VI в пространстве нарратива, на некую общность их судьбы.

Реминисценции на отношения между Кнутом VI и Абсалоном в рассказе о легендарном правителе

Выявленная в тексте «Деяний датчан» тенденция к соотнесению правителей, получивших имя Кнут, прямо связанная с Кнутом VI, заставляет задаться вопросом, с какого момента указанная тенденция актуализируется в повествовании. Представляется, что краткий рассказ о первом короле по имени Кнут перекликается с тем, что Саксон сообщает о Кнуте VI в заключительных книгах. В том, что сходство не случайно нас убеждают два обстоятельства. Во-первых, сопоставление поведенческой линии древнего короля с деяниями его потомка-соименника нам уже встречалось в тексте «Деяний датчан». Во-вторых, особый интерес именно к первому Кнуту на датском престоле отражен в титулатуре Кнута VI. В дарственной грамоте от 21 марта 1183 г. король именовал себя Кнутом Четвертым, что предполагало следующую последовательность правлений: первый Кнут – Кнут Могучий, второй – Кнут IV Святой, третий – Кнут V Магнусен (1146 – 1157). Однако, в ноябре того же года титулатура была изменена, король стал пятым Кнутом. Изменение титулатуры означает, что канцеляристы в кратчайшие сроки обнаружили в неких источниках упоминание еще одного древнего короля [5, p. 115, n. 57].

Предпринятые разыскания сами по себе свидетельствуют об интересе правящего короля

к судьбам своих предшественников, а «древнейший» Кнут занимал среди предков монарха особое место. Именно с этим правителем датский средневековый историк, современник Саксона, Свен Аггесен связывает происхождение имени Кнут. Согласно составленной им «Краткой истории королей Дании» (конец XII в.), один из языческих государей Дании был назван так в честь узла (др.-исл. knutr – букв. «узел») на поясе невинности его матери, узла, который впервые развязал муж датской принцессы и отец будущего правителя [\[17, с. 236-237\]](#). Таким образом, нареченный Кнутом становится идеальным наследником, имя которого указывает на первородство и рождение в законном браке. Учитывая, что статус старшего и законного сына короля играл важнейшую роль в закреплении престола за Кнутом VI, подобная трактовка должна была прийти ему по душе (*Прим.: Кнут VI являлся старшим из законных отпрысков Вальдемара I. Рождением в освященном церковью браке обусловлена церковная коронация Кнута VI, произведенная еще при жизни его отца в 1170 г.)* [\[20, с. 73-76, прим. 47\]](#). Потребность в объяснении имени, продиктованная политической необходимостью, вызвала к жизни образ его первого обладателя (*Прим.: Попытки дать толкование имени Кнут предпринимались и ранее, однако только в «Краткой истории королей Дании», сочиненной в правление Кнута VI, можно надежно проследить связь между таким толкованием и темой наследования власти. Так, Эльнот Кентерберийский в своей хронике «Деяния короля Свена-Магнуса и его сыновей, и Страсти славнейшего Кнута, короля и мученика» (ок. 1120) проводил аналогию между сменой Кнутом Святым имени на латинизированную форму Canutus и библейским сюжетом о принятии Аврамом нового имени – Авраам. Самая близкая параллель этимологизации Свена Аггесена – рассказ «Саги о йомсвикингах» (XIII в.) о принятом в семью короля подкидыше, названном по узлу, которым к голове новорожденного было привязано золотое кольцо. Причем интерпретации датского хрониста и саги, по видимому, разнонаправленны: в первом примере наречение в честь узла подчеркивает законный статус ребенка, во втором – неопределенность его происхождения.)* [\[21, с. 158-159\]](#).

Рассказ Саксона о первом короле по имени Кнут помещен в девятой книге «Деяний датчан» и лишен образца ложной этимологизации, приведенного Свенем, хотя и содержит некоторое сходство с «Краткой историей королей Дании»: «Из-за малолетства [Кнута] **[и] королевству, и сироте [т. е. Кнуту – С. Ч.] требовался защитник**, однако, поскольку многим приглашение исполнить эту обязанность казалось либо ненавистным, либо тягостным, было решено избрать мужа по жребию. Ибо наимудрейшие из данов, страшась сделать неверный выбор в таком выдающемся деле, доверяли больше чужой судьбе, чем собственным убеждениям, приписывая исход избрания решению скорее случайному, чем верному. Поэтому случилось так, что **некий Энни-Гнуп, [муж] высочайшей и безупречнейшей доблести**, был вынужден подставить свои плечи [этой] весьма обременительной обязанности, а потому, приступив к назначенной по жребию службе, **он охранял единственную колыбель короля не меньше, чем [все] государство. Вот почему некоторые недостаточно осведомленные анналы и отводят ему место среди фаст** [т. е. в списке должностных лиц, в данном контексте королей – С. Ч.]. Когда **Кнут**, достигнув юности, с возрастом возмужал, **то удалив тех, кто, воспитав, оказал ему благодеяние, из почти безнадежного юноши неожиданно превратился в достойного правителя**, в том лишь **заслуживающего сожаления, что ушел из жизни без знаков христианской религии**» («Huius infantia manente, **regnipupilliquetutorexposcitur**; verum quoniam huiusce muneris advocacionem praestare plerisque vel invidiosum vel arduum videbatur, sortitione virum legi placuit. Prudentissimi namque Danorum, in tam excellenti negotio arbitrario delectu uti pertimescentes, plus alienae fortunae quam suis sententiis permiserunt, electionis eventum

fortuito magis quam solido consilio delegantes. Quo evenit, ut **Enni-Gnupus quidam, amplissimae atque integerrimae virtutis**, tam onerosae functioni humeros suos submittere cogeretur decretamque sorte administrationem ingressus **non minus universorum res quam singularia regis incunabula tueretur. Unde et ei quidam parum annalium periti medium in fastis locum tribuunt.** Cumque **Kanutus**, decursis adolescentiae spatiis, ab annis virilitatem traxisset, **amotis, qui sibi beneficium educationis impenderant, ex paene desperato adolescente auctor insperatae probitatis evasit**, hoc uno **deflendus**, quod absque **Christianae religionis insignibus e vita ad mortem transitum habuit**») [\[7, s. 668-670\]](#). Саксон концентрирует внимание на взаимоотношениях короля и его наставника, Эннигнуа. Этот муж «высочайшей и безупречнейшей доблести» был вынужден взвалить на свои плечи заботы о малолетнем короле и обо всем государстве, потому как жребий определил ему принять обязанности регента. Возмужав, Кнут отстранил воспитателя от власти и начал свое блистательное единоличное правление. Единственное, в чем можно упрекнуть короля – он ушел из жизни, не приняв крещения. О дальнейшей судьбе регента ничего не сказано, однако Саксон посчитал нужным указать на ошибку неких мало сведущих авторов, причисляющих Эннигнуа к датским королям. Если такая версия и существовала, то, во всяком случае, ни один из сохранившихся источников до нас ее не донес, с кем полемизирует Саксон остается неясным [\[22, s. 121\]](#). (Прим.: Й. Ольрик полагал, что Саксон ведет полемику с Адамом Бременским, однако, немецкий хронист не упоминает короля по имени Эннигнуп. Адам пишет о двух королях – Кнобе и Гурде, которые никоим образом не связаны с историей о воспитании малолетнего наследника.) [\[23, s. 156\]](#).

Следующие акценты в сообщении Саксона обращают на себя внимание: звание регента досталось Эннигнупу совершенно случайно, обязанности наставника обременительны и малопочетны, мудрейшие из данов стремятся избежать уготованной Эннигнупу участи; Эннигнуп – доблестный муж, великолепно справившийся с возложенной на него задачей; успех королевского воспитателя был до такой степени очевиден, что стал причиной, по которой некие сочинители поспешно отвели Эннигнупу первое место в государстве; король, отстранивший регента, плохо отплатил наставнику за благодеяние, но Кнут – достойный правитель. Драматичная история о доблестном регенте и неблагодарном короле вероятнее всего появилась на свет благодаря единственному предложению Свена Аггесена, неверно истолковав которое (для чего, впрочем, требовалось некоторое усилие), автор «Деяний датчан» как раз и мог получить в своем источнике короля Эннигнуа: «Во время отрочества [Кнута] **Эннигнуп, зеландскийбонд**, был назначен стражем королевства; когда расцвела молодость упомянутого Кнута, **онзавладелскипетромкоролевства**» («In cuius pueritia (**Ennignup**), **Sealendensis bondo**, custos regni fuit constitutus; ut autem prefati Canuti iuventus adoleuit, **regni sceptrum recepit**») [\[24, s. 106\]](#). В таком случае перед нами полемический выпад против Свена и его сочинения. Однако, для того, чтобы краткая фраза превратилась в небольшой детализированный рассказ, требовалось наличие у Саксона определенной мотивации. По-видимому, она заключалась в придании сходства двум парам персонажей – язычник-Кнут и Эннигнуп/Кнут VI и Абсалон.

Исполняемые Эннигнупом функции обрисованы в нескольких словах – он защитник государства и воспитатель короля. Именно так характеризуют Абсалона Саксон Грамматик и Свен Аггесен. Первый называет архиепископа защитником народа (aut gens... **tutore** vacua remaneret) [\[7, s. 1494\]](#). Второй упоминает Кнута VI как воспитанника Абсалона: «Абсалон, светлейший митрополит всего королевства Дании, привыкший к пытливому рассмотрению, после тщательного обсуждения **со своим воспитанником, а**

именно, королем Кнутом, сыном первого Вальдемара, записал [закон]]» («...totius regni Daciae Absalon metropolitanus illustris consueta curiositate circumspectaque ac provida deliberatione **cumnutritiosuo, regevidelicetCanuto**, primi Valdemari filio, in matriculam conscripsi(sse)t») [25, s. 64]. Кроме того, Свен считает Эннигнупа зеландским бондом (Sealendensis bondo) [24, s. 106], а связь архиепископа с Зеландией, где располагались владения рода Виде, хорошо известна [2, p. 696].

Рассказ Саксона предполагает некий намек на общность жизненного пути «древнейшего» Кнута и его «современного» потомка. Индикатор этой общности – сообщение о крещении Кнута VI: «Знаком этого года стало рождение Софией сына [Вальдемара I], Кнута, который [благодаря] понтификальной службе Абсалона в назначенное крещению время принял **таинствовозрождения**» («Insignem hunc annum filii eius Kanuti ex Sophia suscepti natalis effecit, qui etiam pontificali Absalonis ministerio stato lavacri tempore **regenerationis sacramenta** suscepit») [7, s. 1212]. Употребленным здесь словом «regeneratio» в средние века обычно обозначали таинство крещения [26, p. 900], но одно из исконных значений «regenero» – «воспроизводить в себе предка» [27, p. 1598]. Автор «Деяний датчан» – знаток латинской словесности «серебряного века». В своем произведении он неоднократно эксплуатировал мотив «подражания предкам» [7, s. 840-842]. Поэтому в данном контексте Саксон не мог не учитывать многозначность слова «regeneratio». Кнут VI одновременно и «возрожден» для вечной жизни, и «возрождает в себе» всю вереницу предков-соименников. Крещение устанавливает особую связь между Кнутом VI и первым Кнутом: в пространстве нарратива потомок превзошел предка, как бы «исправив» единственный его изъян, – язычество. Эта связь выражена незначительным текстологическим совпадением, которое маркирует контекстуальную близость сообщений (в обоих случаях речь идет о рождении короля по имени Кнут): Ср. «Умирая, [король Эрик] оставил после себя сына, Кнута, рожденного от дочери **Гудорма, внучки** Харальда» («Hic filium Kanutum ex **Guthormi** filia eademque Haraldi **nepte** progenitum superstitem moriens dereliquit») [7, s. 668] против «Присутствие герцога свеонов **Гудорма**, который прибыл с посольством, чтобы увезти **племянницу** Вальдемара, сосватанную за их же [т. е. свеонов – С. Ч.] короля Карла, украсило исполнение этой религиозной церемонии [т. е. обряда крещения Кнута VI – С. Ч.]» («Quod religiosae exsecutionis officium Sueonum ducis **Guthormi**, qui **neptem** Waldemari, eorundem regi Karolo desponsam, abducendi causa legationem attulerat, praesentia venustabat») [7, s. 1212].

Нужно сказать, что описание обряда крещения в той части повествования, которая отведена истории уже давно христианизированной страны, нетипично для «Деяний датчан». Например, Саксон умалчивает о крещении Кнута Лаварда (1115-1135) или Вальдемара I, их конфессиональная принадлежность не требует подтверждения, поскольку любой датский правитель со времен Харальда Синезубого (ок. 958 – ок. 986) являлся христианином по определению. Однако в данном случае речь идет о событии чрезвычайной важности – о рождении наследника Вальдемара I, крещение которого лично Абсаломом призвано продемонстрировать духовную связь прелата с Кнутом VI. Установление определенных отношений между архиепископом и королем и есть, по-видимому, основное содержание сообщения.

Сюжет о Кнутах и Эннигнупе также необычен для Саксона. Наставление королей мудрыми советниками – один из мотивов «Деяний датчан», наиболее ярко представленный в «мифологических» книгах. В большинстве случаев Саксон рассказывает о

взаимоотношениях монархов и советников, придерживаясь определенной модели: в окружении прозябающего в бесславии короля появляется некий доблестный муж, который становится наставником государя и побуждает его совершить подвиг, предвещающий великое правление (Хадинг и Один в первой книге; Фродо и Эрик Красноречивый в пятой книге; Ингельд и Старкадер в шестой книге) [8, p. 115-170]. Таким «архетипичным» советником при Вальдемаре I нужно считать и Абсалона [8, p. 106-108]. Отличие отрывка о Кнute и Эннигнупе от этой общей модели заключается в том, что правитель без какого-либо ущерба для себя и своего королевства устраняет несомненно достойного воспитателя с политической арены. При этом поступок короля не подвергается явной критике. Напротив, преувеличенной признается слава советника.

Итак, перед нами рассказ о наставнике короля, великом государственном деятеле, роль которого в истории Дании, тем не менее, истолкована предшественниками Саксона превратно, а также о короле, который вопреки всем ожиданиям вышел из-под опеки воспитателя. Чрезмерное прославление регента, отмечаемое Саксоном, напоминает о «гипертрофированном» образе Абсалона, затмеваящего своими подвигами начинания молодого правителя, а связь образа короля-язычника с Кнuтом VI дает основания видеть во взаимоотношениях Эннигнупа с его подопечным отражение неких разногласий между королем и архиепископом. Сюжет о регенте и его воспитаннике, по всей видимости, содержит косвенное указание на то, каким изначально мыслился Саксону образ Кнута VI – правящий монарх должен был предстать равноправной с архиепископом фигурой. Об этом говорит некоторый «паритет» Эннигнупа и языческого короля: регент не лишен доблести, но и отрешивший его от должности Кнут признается достойным правителем.

Таким образом, можно говорить о наличии в «Деяниях датчан» определенной авторской тенденции к сближению между собой образов датских королей, носивших имя Кнут. Это соотнесение не является ни случайным, ни единичным, каждое его употребление обусловлено единой структурой (происхождение из одного рода, тождество имен, сходство отдельных черт в биографиях правителей). Совершенно очевидно, что такое сопоставление правителей-соименников скрывает за собой некий политический подтекст, связанный с Кнuтом VI и с отношениями между королем и архиепископом.

О реальном влиянии Абсалона на Кнута VI после 1182 г. не известно практически ничего [10, s. 326]. Наши данные опираются на известия «Деяний датчан», поэтому заведомо ненадежны. Нет никаких сомнений, что роль Абсалона в государственных делах в значительной степени преувеличена Саксоном Грамматиком – единственным автором, описывающим многочисленные и успешные военные экспедиции архиепископа [6, s. 62-70]. Вопрос в том, хотел ли сам Абсалон, чтобы его изобразили именно так. Иными словами, является ли образ Кнута VI, слабого короля, который обязан во всем следовать распоряжениям сановников из рода Виде, следствием прямых указаний прелата. В какой мере Саксон Грамматик вообще может рассматриваться как выразитель воззрений своего патрона на королевскую власть? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к свидетельствам, непосредственно отражающим «придворную идеологию» того времени.

Сравнение Кнута VI с Кнuтом IV Святым в привилегии Лундскому кафедральному собору

Рассмотренный ранее пример сопоставления Кнута VI с Кнuтом IV Святым из пятнадцатой книги «Деяний датчан» в пространстве нарратива был представлен как подчеркнуто

«неофициальный». Слова, уподобляющие потомка предку в заведомо непристижном контексте, можно сказать, в критических для адресата условиях, к тому же, как кажется, оскорбляющие святого, попросту не могли быть произнесены прилюдно. Вместе с тем, существует вполне официальный образец соотнесения Кнута VI со святым королем, связанный с родом Виде, но, главное, санкционированный правителем. Привилегия кафедральному собору Лунда подтверждает передачу во владение капитулу земли, осуществленную еще Кнутом Святым [28, s. 207-210]. Акт в искаженном виде пересказывает текст оригинальной дарственной грамоты 1085 г., излагая положения, которые должен впоследствии подтвердить потомок мученика [29, s. 145]. Документ содержит в себе мотив «подражания предкам», употребленный, что примечательно, в контексте наследования власти: **«Итак, в ответное изъяснение благодарности богу и его родителю, не порочной Деве Марии, милостью и благодеяниями которых [как] мы верим и признаем, мы взойшли на трон отца нашего, мы постановляем, а также подтверждаем королевской властью, что все эти пожалования и доходы [от отправления] правосудия пребывают нерушимы и незыблемы, как установили и определил тот святой»** («**Nos itaque in reddenda graciарum actione deo ejusque genetrici Marie intemerate uirgini quorum gracia et meritis nos in thronum partum meorum conscendisse credimus et confitemur** has omnes donaciones et causarum prouentus **sicut sanctus ille instituit atque ordinauit** rata et inconwlsa permanere decernimus atque regia auctoritate solidamus») [28, s. 209]. В противоположность негативной трактовке соотнесения Кнута VI с Кнутом Святым, которую находим у Саксона, но в полном соответствии с прослеживаемыми в предложенном автором «Деяний датчан» сравнении коннотациями, документ соединяет тематику наследования власти с мотивом подражания предку. Еще большую силу сходству королей и ситуаций, в которых им приходилось действовать, придает датировка привилегии. Судя по datum, грамота была дана в 1186 г. (день не уточняется) [28, s. 207-210], то есть от года мученической кончины Кнута Святого ее отделяет сотня лет, таким образом, подтверждение привилегии только на год отстоит от столетнего юбилея дарования святым королем земельных владений собору св. Лаврентия. По прошествии со смерти Кнута Святого ста лет все заинтересованные лица могли убедиться, что потомок вместе с титулом унаследовал и набожность предка (ко всему прочему, не повторив его судьбу во всех подробностях) (Прим.: Оговоримся, что других примеров соотнесения в официальных документах Кнута VI с Кнутом Святым или каким-либо иным одноименным правителем мы не знаем. В тоже время ни благодарность высшим силам за наследование власти, ни ссылка на предков сами по себе не являются для актов чем-то совершенно невиданным. Грамота Эрика Весьма Памятливого (1134 – 1137) 1135 г. называет предков короля, даровавших кафедральному собору Лунда земли, поименно (Свен Эстридсен и Кнут Святой), а ее *dispositio* дает текстологическое совпадение с нашим документом.) [29, s. 141-145]. Совпадение формулировок *sanctio* акта 1186 г. и грамоты Абсалона, данной в присутствии Кнута VI в 1182 г. (1186: *Sit de parte Datan et Abiron*; 1182: *partem eius cum Datan et Abiron*) [28, s. 166], указание в качестве свидетелей людей Абсалона, верная передача дипломом даты понтификата Лундского архиепископа в сочетании с грубой ошибкой в датировании правления короля косвенно указывают на участие Абсалона в составлении документа.

Заключение

Саксон Грамматик целенаправленно сопоставлял Кнута VI с его предками – королями, носившими имя Кнут. Сравнения отличаются по контексту, встречаются в «Деяниях датчан» нерегулярно, но судя по тому, что их можно обнаружить в IX, X, XV книгах, они

мыслились как необходимый элемент композиции, подчеркивающий единство замысла автора.

В IX книге Саксон впервые упоминает правителя по имени Кнут. В X книге помещен рассказ о Кнute Могучем. В XV книге речь идет о первых шагах Кнута VI на военном поприще. Описывая неудачный поход, Саксон сравнивает короля с Кнuтом Святым. Но в XI книге сам Кнут Святой дважды уподобляется своему предку – Кнуту Могучему. Таким образом, тенденция к соотнесению одноименных королей охватывает значительную часть «Деяний датчан» (IX, X, XI, XV книги) и наблюдается в произведении Саксона вплоть до финала повествования.

Пассажи Саксона, принимающиеся исследователями за проявления критики королевской власти, лично Кнута VI или проводившейся им политической линии [2, p. 691-694]; [10, s. 315-317], вероятно, стоит признать следствием позднейшей переработки текста. В этом нас убеждают рассмотренный в данной работе пример «официальной пропаганды» времен Кнута VI, связанный с родом Виде – привилегия собору св. Лаврентия 1186 г., которая не содержит ни скрытой, ни явной критики короля, напротив, прославляет его, а, кроме того, согласуется с мотивом соотнесения одноименных королей в «Деяниях датчан». Следовательно, эту общность мотивов нужно понимать как свидетельство принадлежности «Деяний датчан» к текстам, так или иначе отражающим королевскую идеологию.

Предполагаемая переработка текста, скрывшая первоначальный замысел Саксона, может объясняться изменением политической конъюнктуры в правление Вальдемара II: приписав Абсалону достижения предыдущего царствования, Саксон отводил от себя подозрения в нелояльности новому монарху. Известный нам текст «Деяний датчан» завершен в 1208 г. или 1216 г. и посвящен архиепископу Андреасу Суннесену и королю Вальдемару II. Однако, начал свой труд Саксон вскоре после 1185 г., при жизни Абсалона и Кнута VI. Большую часть времени Саксон работал в правление Кнута VI, тогда как на правление Вальдемара II приходится шесть (если сочинение завершено в 1208 г.) или четырнадцать (если сочинение окончено в 1216 г.) лет написания. Несмотря на грандиозный объем «Деяний датчан» представляется, что этого срока (шесть и тем более четырнадцать лет) было вполне достаточно, чтобы не только написать первые «мифологические» книги, но и перекроить мотивы и тенденции в книгах «исторических».

Библиография

1. Skovgaard-Petersen I. Saxo, historian of the Patria // Mediaeval Scandinavia. 1969. Vol. 2. P. 54-77.
2. Sawyer B. Valdemar, Absalon and Saxo: Historiography and Politics in Medieval Denmark // Revue Belge de Philologie et d'Histoire. 1985. Vol. 64, № 4. P. 685-705.
3. Damsholt N. Kingship in the arengas of danish royal diplomas 1140-1223 // Medieval Scandinavia. Vol. 3. 1970. P. 66-108.
4. Hermanson L. Släkt, vännar och makt: en studie av elitens politiska kultur i 1100-talets Danmark. Göteborg, 2000.
5. The Works of Sven Aggesen Twelfth-Century Danish Historian / Transl. with Introd. and Notes E. Christiansen. L.: Viking Society for Northern Research, 1992.
6. Weibull C. Saxos berättelser om de danska vendertågen 1158-1185 // [Dansk] Historisk Tidskrift. 1983. Bd. 14, № 4. S. 35-70.
7. Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. The History of the Danes / Ed. K. Friis-Jensen, trans. P. Fisher. Oxford: Clarendon Press, 2015. Vol. 1-2.
8. Muceniecks A. Saxo Grammaticus. Hierocratical conceptions and danish hegemony in the

thirteenth century. Kalamazoo, Bradford: Arc Humanities Press, 2017.

9. Friis-Jensen K. Saxo Grammaticus's study of the Roman historiographers and his vision of history // Saxo Grammaticus. Tra storiografia e letteratura / Ed. C. Santini. Rome, 1992. P. 69-75.

10. Johannesson K. Saxo Grammaticus: komposition och världsbild i Gesta Danorum. Uppsala, 1978.

11. Riis T. Einführung in die Gesta Danorum des Saxo Grammaticus. Odense, 2006.

12. Johannesson K. Order in Gesta Danorum and Order in the Creation // Saxo Grammaticus. A medieval author between Norse and Latin culture / Ed. by K. Friis-Jensen. Copenhagen: Museum Tusculanum Press. 1981. P. 95-104.

13. Friis-Jensen K. Introduction // Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. The History of the Danes. / Ed. K. Friis-Jensen, trans. P. Fisher. Oxford: Clarendon Press, 2015. Vol. 1. P. XVIII-LXXXVII.

14. Storm G. Vore Forfædre Tro paa Sjælevandring og deres Opkaldelsessystem // Arkiv För Nordisk Filologi. 1893. H. 9. S. 199-222.

15. Успенский Б. А. Из истории имянаречения: запрет на повторение имени отца при наименовании ребенка // Именослов. История языка. История культуры. (Труды Центра славяно-германских исследований. Вып. 2) / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 26-33.

16. Успенский Ф. Б. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М.: Языки русской культуры, 2001.

17. Рыбаков В. В. Этимологии личных имен в ранних датских хрониках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М.: Индрик, 2005. С. 232-238.

18. Hope S. The Odense literature and the early liturgy of St. Cnut Rex // Life and cult of Cnut the Holy / Ed. S. Hope, M. M. Bjerregard, A. H. Krag, M. Runge. Odense: Odense City Museums; University Press of Southern Denmark, 2017. P. 100-117.

19. Честа С. О. Сопоставление правителей-соименников в памятниках датского историописания конца XII в. как средство легитимации власти // Средние века. М., 2021. Вып. 82(3). С. 30-47.

20. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Кнут Лавард, принц датский // Именослов. История языка. История культуры (Труды Центра славяно-германских исследований. Вып. 2) / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 55-80.

21. Søndergaard G. Canutus – historien om et navn // Knuds-Bogen 1986: Studier over Knud den Hellige / Udg. T. Nyberg, H. Bekker-Nielsen, N. Oxenvad. Odense: Odense Bys Museer, 1986. S. 157-180.

22. Lukman N. Sagnhistorien hos Saxo. Det 12. århundredes normannerromantik i Saxos udformning // Saxostudier / Udg. I. Boserup. København, 1975. S. 117-127.

23. Olrik J. Studier over Sakses historiske kilder // [Dansk] Historisk Tidsskrift. 1933. Bd. 10, № 2. S. 11-289.

24. Svenonos Aggonis filii. Brevis Historia Regum Dacie // Scriptores minores historiae Danicae medii aevi. København, 1970. Bd. 1. / Udg. af M. Cl. Gertz. S. 94-141.

25. Svenonos Aggonis filii. Lex Castrensis Sive Curie // Scriptores minores Historiae Danicae medii aevi. København, 1970. Bd. 1. / Udg. af M. Cl. Gertz. S. 64-93.

26. Niermeyer J. F. Mediae Latinitatis Lexicon Minus. Lexique Latin Médiéval-Français-Anglais. A Medieval Latin-French-English Dictionary. Leiden, 1976.

27. Oxford Latin Dictionary. Oxford: Oxford University Press; Clarendon Press, 1968.

28. Diplomatarium Danicum / Udg. af Det Danske Sprog-og Litteraturselskab. København, 1977. Række 1, Bd. 3. Del 1.

29. Weibull L. Knut den Heliges Gåvobrev // [Dansk] Historisk Tidsskrift. 1925. Bd. 9, № 3.

S. 104-147.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Образ средневековья по-разному складывался в исторические времена: так, существует и идеализация этой эпохи, связанная с увлечением рыцарством и прекрасными дамами, есть и противоположная позиция, согласно которой Средние века являются темным и мрачным периодом упадка культуры. В этой связи представляется важным обратиться к изучению первоисточников, рисующих нам портрет средневековой эпохи, на примере отдельных этнических групп.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются «Деяния датчан» Саксона Грамматика. Автор ставит своими задачами раскрыть мотив «подражания предкам» в «Деяниях датчан», сравнить Кнута VI с Кнутом IV Святым в «Деяниях датчан», раскрыв перемены политической конъюнктуры в правление Вальдемара II.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать мотив «подражания предкам» в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика как средство реконструкции авторского замысла. В центре внимания автора рецензируемой статьи находятся два вопроса: «1) В какой степени произведение Саксона Грамматика в том виде, в котором оно нам известно, является результатом прямого влияния Абсалона и отражает интересы архиепископа Лундского? 2) Насколько «Деяния датчан» могут рассматриваться в качестве источника, отражающего королевскую идеологию? Или, иначе говоря, в какой степени труд Саксона Грамматика использовался правящей династией для легитимации власти?»

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя до 30 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на датском и английском языках, что определяется самой постановкой темы. Источниковая база статьи представлена прежде всего собственно «Деяниями датчан» Саксона Грамматика. Из используемых исследований отметим труды Ф.Б. Успенского и В.В. Рыбакова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения личных имен в датских хрониках.

Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Дании, в целом, так и средневековой историей Дании, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет

актуальность темы, показывает, что «Деяния датчан» Саксона Грамматика – важнейший памятник средневекового датского историописания, составленный около 1208 или 1216 г.» Автор показывает, что «можно говорить о наличии в «Деяниях датчан» определенной авторской тенденции к сближению между собой образов датских королей, носивших имя Кнут»: «такое сопоставление правителей-соименников скрывает за собой некий политический подтекст, связанный с Кнутом VI и с отношениями между королем и архиепископом». В работе показано, что «пассажи Саксона, принимающиеся исследователями за проявления критики королевской власти, лично Кнута VI или проводившейся им политической линии, вероятно, стоит признать следствием позднейшей переработки текста».

Главным выводом статьи является то, что «переработка текста, скрывшая первоначальный замысел Саксона, может объясняться изменением политической конъюнктуры в правление Вальдемара II: приписав Абсалону достижения предыдущего царствования, Саксон отводил от себя подозрения в нелояльности новому монарху».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории средних веков, так и различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть опубликована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».